

УДК 378(477)
ББК 74.584(4УКР)

Андрей Минаев

**Проблема отчуждения в современном обществе:
предпосылки и проявления
(на примере высшей школы Украины)**

Издавна философская мысль была озадачена вопросом: в рамках каких граничных условий человек сохраняет неизменным своё «Я», свою неизвращенную сущность? Особенно много внимания данному вопросу посвятили в XX веке неомарксистское и экзистенциальное течения философии, широко использовавшие понятие «отчуждение» для характеристики внешних и внутренних обстоятельств, ломающих истинную природу человека. В современном информационном обществе количество и качество «подмен» естественных проявлений человека искусственными только возросло и данный бесспорный факт лишь усиливает научный интерес к проблеме отчуждения. Однако, как представляется, наиболее остро эта проблема проявляется в развивающихся обществах «переходного» типа (подобных Украине), в которых вызывающие отчуждение факторы значительно усилены парадоксальным сосуществованием в рамках единого социума общественных отношений, характерных для различных этапов исторического развития.

Сегодня понятие «отчуждение» проявляется в самых разнообразных сферах и, в основном, означает разъединение некоего целого на составные элементы. Например, в юриспруденции оно связано с понятием «собственность» и обозначает передачу имущественных прав на что-либо от одного лица к другому. В религии говорят об отчуждении, как о смерти индивида, о прекращении его физической деятельности (душа человека отчуждается от его тела, а тело от души). В социальной же философии отчуждение касается степени полноты проявления сущностных качеств и способностей человека¹. В более широком смысле под отчуждением понимают также превра-

щение каких-либо явлений и отношений в нечто иное, чем они являются сами по себе, искажение и извращение в сознании людей их реальных жизненных взаимоотношений.

Хотелось бы подчеркнуть, что в данной статье автор не преследовал цель дать исчерпывающий анализ развития понятия «отчуждение» и связанных с ним концепций в истории мировой философии; рассмотрение данной дефиниции ограничено возможностью ее применения в исследовании современного состояния дел в высшем образовании Украины. Подобный авторский подход обусловил и структуру статьи, которая, таким образом, состоит из двух относительно самостоятельных частей, одна из которых посвящена краткой истории отчуждения как общепhilosophической проблемы (включая предпосылки и проявления в информационном обществе), а вторая – «частному случаю» применения категории отчуждения при анализе преподавательского труда в современной высшей школе Украины.

К истории проблемы «отчуждения». Следует отметить, что термин «отчуждение» традиционно использовался в философской мысли, начиная с эпохи античности, однако, как правило, в различных значениях. Так, Аристотель, например, употреблял этот термин для характеристики состояния «исключения из общности людей» и «передачи собственности»; в христианской средневековой теологии, в частности, у Оригена, присутствовал образ человека, «отчужденного от Бога», тогда как различные мистические учения трактовали отчуждение как освобождение от земных цепей и предпосылку получения сверхъестественной «истины», «чистого знания»². Отдельный интерес к феномену отчуждения возник уже в эпоху нового времени. Хотя и считается, что одними из первых обратили внимание на него английский философ Т. Гоббс (отчуждение возникает как добровольный акт передачи людьми почти всех своих прав государству) и немецкий поэт Ф. Шиллер (разделение общественного труда духовно калечит человека), однако наиболее внимательно в домарксовской философии проблема рассматривалась представителями немецкой классической философии, в первую очередь, Г.В. Гегелем и Л. Фейербахом. Последние, при всех различиях трактовок, сходились

на анализе отчуждения как субъективного процесса, почти не зависящего от материальных условий³. Так, Л. Фейербах, рассматривая религию в качестве основной причины отчуждения предметно-чувственной сущности человека («религиозное отчуждение» разрушает личность человека), причины видел в психологических состояниях — чувстве зависимости, страхе и т. п. Гегель же впервые в мировой философии отметил, что в основе отчуждения лежит отчужденная деятельная сущность личности⁴. Кстати, именно Гегель также ввёл в обиход в контексте исследования проблемы «отчуждения» такие понятия, как «опредмечивание» (содержание труда переходит в предмет и обретает независимое объективное существование) и «распредмечивание» (присвоение человеком сущностных сил и мыслей другого человека, ставших чуждыми предметами), полностью перешедшие впоследствии в арсенал марксизма.

С принципиально новых позиций подошел к понятию «отчуждение» К. Маркс (собственно, ему и принадлежит заслуга если не постановки самой проблемы, то, по крайней мере, её введения в социальную философию). Данное понятие рассматривалось Марксом в социально-экономическом контексте, с точки зрения взаимоотношений труда и капитала. Так, источником всех форм отчуждения, по Марксу, является частная собственность на средства производства⁵, из чего следовало, что, уничтожив ее, можно ликвидировать отчуждение⁶.

Мыслитель полагал, что «...труд является для рабочего чем-то внешним, не принадлежащим к его сущности; ... он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свой дух. Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя. ... Внешний труд, труд, в процессе которого человек себя отчуждает, есть принесение себя в жертву, самоистязание. ... внешний характер труда проявляется для рабочего в том, что этот труд принадлежит не ему, а другому, и сам он в процессе труда принадлежит не себе, а другому»⁷. Таким образом, выводом отчуждения из социально-экономических предпосылок,

Маркс, тем не менее, одновременно закладывал определенную (продолженную уже неомарксистами) традицию рассмотрения данного явления в общегуманистическом контексте. Так же можно трактовать и сам вывод мыслителя о том, что *«человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций – при еде, питье, в половом акте, в лучшем случае еще расположась у себя в жилище, украшая себя и т.д., а в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным»*⁸.

К сожалению, проблема отчуждения, заботившая молодого Маркса (наиболее полно он пытался раскрыть данное понятие в своих неизданных рукописях 1844 г.⁹), не получила должного развития в его дальнейших работах. Впрочем, рассматривая впоследствии это явление преимущественно в контексте частной собственности и классовой борьбы, К.Маркс правомерно выделял четыре вида отчуждения: отчуждение от человека продукта его труда; отчуждение процесса труда от содержания труда; отчуждение духовного содержания личности человека труда; отчуждение, взаимное обособление людей друг от друга. В целом же хрестоматийным является данное им определение отчуждения как процесс превращения *«нашего собственного продукта в какую-то вещественную силу, господствующую над нами, вышедшую из-под нашего контроля, идущую вразрез с нашими ожиданиями и сводящую на нет наши расчеты»*¹⁰.

Впоследствии именно в такой (или почти в такой) редакции в подавляющем большинстве советских справочных изданий выступало «отчуждение»: как понятие, характеризующее процесс и результаты превращения продуктов человеческой деятельности (как практической - продукты труда, деньги, общественные отношения и т. д., так и теоретической), а также свойств и способностей человека в нечто независимое от людей, чуждое им и господствующее над ними. Отчуждение также (вслед за самим К. Марксом) определялось как нечто переходящее в истории человеческого общества, характерное для классово-антагонистических формаций и исторически обусловленное такими предпосылками как частная собственность и разделение труда¹¹. При этом, в подавляющем большинстве изданий преобладала точка зрения, согласно которой основной

причиной отчуждения является частная собственность. Отсюда следовал вывод, что для ликвидации отчуждения необходима социалистическая революция, устраняющая частную собственность. А так как эта революция в СССР произошла, то предпосылки для существования отчуждения ликвидированы и человеческой сущности представлены все условия для ее развертывания, а значит, проблемы отчуждения в советском обществе уже нет. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что не все советские исследователи придерживались подобного взгляда на отчуждение¹².

Впоследствии, уже в XX в. на Западе возникло много новых вопросов, связанных с отчуждением. Учитывая прохладное отношение к данной проблематике советской марксистско-ленинской философии (как и официальной философии прочих социалистических стран), отчуждением занимались, в основном, западные течения: экзистенциализм, философская антропология и неомарксизм¹³ (фрейдомарксизм). Так, в частности, этим феноменом занимались Э. Дюркгейм, О.Шпенглер, М. Вебер, Н. А. Бердяев, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, Э. Фромм, Х. Хайдеггер, Г. Маркузе и др.

Особенно следует отметить важную роль Франкфуртской социологической школы. Так, по мнению Э. Фромма, отчуждение выступает в пяти ипостасях: как отчуждение от ближнего; отчуждение от работы, дела; отчуждение от потребности; отчуждение от государства; и наконец, отчуждение от себя. При этом, для Э. Фромма отчуждение от себя — это, прежде всего, «модус обладания», то есть, с одной стороны, отношение человека ко всему, что его окружает с точки зрения «приобретателя», а, с другой, взгляд на своё «Я» как на рыночный товар, который необходимо продать подороже¹⁴. Его коллега по Франкфуртской школе Г. Маркузе небезосновательно полагал, что общество калечит духовный мир человека: из него выпадают духовное богатство и полнота бытия; внутренний мир его суживается до крайне ограниченного круга интересов. Такого человека гнетет чувство своей ненужности, заброшенности, чувство глубокого экзистенциального одиночества¹⁵.

Нечто похожее отмечал и «отец кибернетики», выдающийся мыслитель Норберт Винер, который предвидел «обесценивание человеческого мозга» в результате однобокого развития

машинно-информационных систем и заявлял, что выход из этой ситуации один: построить общество, основанное на человеческих ценностях, отличных от купли-продажи. По мнению Винера, подобно тому, как промышленная революция обесценила человеческие руки, современная информационная революция неизбежно должна будет обесценить человеческий мозг¹⁶.

Кроме всего прочего, в обществоведении второй половины XX в. в изучении проблем отчуждения на первый план вышел вопрос о «машинизированном», экстенсивном растрачивании человеческих и природных ресурсов. Так, по Хайдеггеру, налицо тенденция, при которой, чем более действительным является создаваемый человеком мир, тем менее действительным становится сам человек; происходит словно «растворение» человека в мире¹⁷.

В современной отечественной философии проблема происхождения отчуждения часто трактуется в контексте «возврата к раннему Марксу», причём в качестве основной предпосылки отчуждения в целом совершенно справедливо выделяется разделение труда. Таким образом, если минусы частной собственности сглаживаются (в какой-то степени) при помощи распространения общественной и акционерной собственности, то разделение труда фактически не устранимо, следовательно, принципиально неустранимо и само явление отчуждения.

Так, отправным моментом анализа сущности феномена отчуждения, по мнению современного украинского исследователя В. Яцкевича, может послужить высказывание Н. Бердяева: *«Любое материализованное бытие есть отчужденное бытие»*¹⁸. Согласно В. Яцкевичу, *«...отчужденным становится все то, что, материализуясь, покидает человеческие руки. ...отчуждается также и все то, что производится человеком в духовной сфере. Например, произведения искусства, достижения науки, информация и т. д. обретают самостоятельное бытие после завершения процесса творческой деятельности. ...всякий реальный труд, в том числе и интеллектуальный, с необходимостью сопровождается отчуждением. ...неотчужденного труда не бывает»*¹⁹.

Сегодня в публикациях по проблеме отчуждения преимущественно отмечается, что субъективно отчуждение проявляется в чувствах страха, одиночества, в атрофии высоких гума-

нистических ценностей, в широком распространении апатии, равнодушия; указывается на сопряженный с ними рост наркомании, алкоголизма, самоубийств и т.п. Так, в «Философском словаре» (М., 2001) основным показателем отчуждения признается наличие в мировосприятии личности следующих доминант: во-первых, чувства бессилия, ощущения того, что судьба индивида вышла из-под его контроля и находится под детерминирующим влиянием внешних сил; во-вторых, представления о бессмысленности существования, о невозможности получить путем каких-либо действий рационально ожидаемый результат; в-третьих, восприятия окружающей действительности как мира, в котором утрачены взаимные обязательства людей по соблюдению социальных предписаний, разрушена институализированная культура, не признается господствующая система ценностей; в-четвертых, ощущения одиночества, исключенности человека из социальных связей; в-пятых, чувства утраты индивидом своего подлинного «Я», разрушения аутентичности личности, т. е. самоотчуждения²⁰.

Теоретическая возможность ликвидации отчуждения. Несомненно, что в контексте анализа проблемы «отчуждения» в мировой философии рассматривался и вопрос возможности его преодоления. Впрочем, конкретные выводы, как правило, были и остаются весьма туманными и/или практически нереализуемыми.

Так, еще сами классики марксизма, изучая возможность ликвидации разделения труда, как одной из основных предпосылок отчуждения, вопреки логике исторического процесса, полагали ее вероятной (и даже неизбежной), поскольку при коммунизме все люди *«смогут всесторонне развивать и поддерживать свои способности... настанет время, когда не будет ни тачечников, ни архитекторов по профессии, и когда человек, который в течении получаса давал указания как архитектор, будет затем в течении некоторого времени толкать тачку, пока не появится опять необходимость в его деятельности как архитектора»*²¹. Наивность подобного взгляда даже не требует комментариев.

Вышеупомянутый философ, представитель Франкфуртской социологической школы, Э. Фромм, исходя из предло-

женных способов устранения отчуждения в современном обществе, выделял два течения: «консервативных романтиков» и «радикальных гуманистов». Первые полагали, что «единственный выход из положения в том, чтобы остановить безудержный «прогресс» индустриализма и вернуться к старым социально-экономическим формам (с некоторыми модификациями)»; вторые заявляли, что следует «идти вперед и построить такое общество, в котором человек будет освобожден от отчуждения, от порабощения машинами и от угрозы дегуманизации», освобождение людей от эгоизма и алчности²². Сам же мыслитель выход видел в том, чтобы поменять «модус обладания» на «модус бытия» (т.е., жить не ради накопительства, а ради саморазвития).

Другой авторитетный представитель Франкфуртской школы, также уже упоминавшийся Г. Маркузе, фактически расписался в своей бессилии определить конкретное содержание способов освобождения человека: «они могут быть указаны только в негативных терминах. Поэтому экономическая свобода означала бы свободу от экономики, - от контроля со стороны экономических сил и отношений, свободу от ежедневной борьбы за существование и зарабатывания на жизнь, а политическая – освобождение индивидов от политики, которую они не могут реально контролировать. Подобным же образом смысл интеллектуальной свободы в возрождении индивидуальной мысли, поглощенной в настоящее время средствами массовой коммуникации и воздействия на сознание, в упразднении «общественного мнения» вместе с его изготовителями»²³.

С точки зрения исследователей В.Н. Гончарова и В.Н. Филиппова, базирующихся на анализе творчества К. Маркса, для ликвидации отчуждения необходимо не просто уничтожить частную собственность и связанное с ней присвоение результатов чужого труда, но и организовать человеческие отношения на принципах гуманизма²⁴.

По мнению же советского философа Э. Ильенкова, устранение отчуждения – это «проблема создания на земном шаре таких условий, которые навсегда исключали бы возможность возникновения войн. ...Это – далее – задача превращения каждого индивида на Земле в высокоразвитого и универсального

индивида, ибо только сообщество таких индивидов уже не будет нуждаться во «внешней» – в «отчужденной» – форме регламентации его деятельности – в товарно-денежной, в правовой, в государственно-политической и других формах управления людьми. В частности, это глубокая революция в области народного образования, нацеленная на ликвидацию той формы разделения труда, которую развила ...развитая товарно-капиталистическая организация жизни»²⁵.

Как видим, ведущие философские исследования пока что пребывают в состоянии «благих пожеланий» и не вышли на уровень разработки конкретного методологического механизма по преодолению отчуждения.

Предпосылки обострения проблемы отчуждения в современном обществе. Следует отметить, что начиная со второй половины XX века, в мире произошли существенные перемены, затрагивающие практически все сферы человеческой жизнедеятельности. Представляя собой предпосылки практического углубления отчуждения, эти процессы одновременно могут быть рассмотрены и как непосредственные проявления отчуждения как такового в современном обществе.

1. Важные научно-технические, структурные и сущностные изменения, произошедшие в западной цивилизации в условиях перехода от позднеиндустриального к постиндустриальному обществу. Начиная с 50-х – 60-х гг. XX в. развитое общество стран Запада столкнулось с изменениями научно-технического характера, принесшими не только материальные блага, но и трансформацию самого характера труда (НТР, автоматизацию, компьютеризацию производства и быта, глобальные трансформации в социальной структуре населения). Массовые коммуникации способствовали формированию спектра принципиально новых потребностей человека, исходящих из ложных символов престижа и накрепко привязывающих человека к этим символам. Еще Г. Маркузе полагал, что, современное ему западное общество являлось по существу «тоталитарным», осуществляющим «экономико-техническое координирование» «за счет манипуляции потребностями при помощи имущественных прав»²⁶. Мыслитель утверждал, что

общество управляет индивидом, навязывая ему разнообразные ложные материальные и интеллектуальные потребности, формирующие жизненный «идеал» и, соответственно, модель «одномерного» мышления и поведения («одномерного человека»). Позднее философ констатировал, что весь трагизм такой ситуации состоит в том, что человек (в частности, рабочий) перестал ощущать себя рабом, он представляет себя свободным гражданином, не понимая того, что *«рабы развитой индустриальной цивилизации – сублимированные рабы...»*²⁷.

Структурные сдвиги сопровождались психологически болезненными переменами в социальном и материальном статусе интеллигенции (в первую очередь, гуманитарной), сопутствующими процессу перехода западного общества к постиндустриализму. Уже тогда наиболее трезвомыслящие представители интеллектуалов отмечали два момента, ставшие сегодня расхожими: 1) сближение интеллигенции с квалифицированным наемным промышленным пролетариатом по ряду показателей (например, по уровню образованности и дохода); 2) сближение высших учебных заведений с фабрично-заводскими предприятиями по характеру деятельности и, соответственно, уподобление процессов образования конвейерному производству. Эти два момента способствовали тому, что концепция отчуждения, разработанная К. Марксом применительно к классу наемных промышленных рабочих (пролетариата) стала закономерно рассматриваться в качестве актуальной для широких слоев современной «разночинной» интеллигенции.

Собственно, именно на этой почве в рамках различных концепций «либертарного социализма» и возникли идеи, акцентирующие внимание на «либертарии» - т.е. человеке наёмного труда (не «наёмном рабочем», а «наёмном работнике»). В частности, по мнению украинского левого интеллектуала В. Кизимы, *«в сфере отношений наёмного труда находятся рабочий и инженер, менеджер и профессор университета, медицинский работник и конторский служащий. Современный разнородный и текучий в своей изменчивости социальный мир опирается на наемный труд как на объединяющую свою основу. Но как в свое время исчерпали себя рабство и крепостничество, так в конце XX века стали тормозом общественного*

развития отношения наемничества. Не прекращающийся поиск новых форм мотивации труда повсеместно натывается на одно и то же препятствие – отчуждение работника от условий его творческой деятельности...»²⁸.

2. Продолжающиеся в современном мире процессы глобализации в социально-экономической, политической и, особенно, информационно-культурной сфере, способствующие, в том числе, дезорганизации сложившихся национальных систем функционирования науки и образования. Необходимо согласиться с точкой зрения О. Хромовой, согласно которой к специфическим проявлениям отчуждения в условиях глобализации сегодня относят следующие: растущее отчуждение между наиболее развитыми западными странами и странами третьего мира, которые не хотят мириться с ролью аутсайдеров (или же, глубже, отчуждение между исламским и христианским миром, между информационными и традиционными обществами); характерные для постсоветского социума отчуждение и самоотчуждение человека в политической жизни общества; антиинтеллектуализм эпохи научно-технической революции и информационного общества; распространение в массовой культуре «бульварной литературы» и, зачастую, низкопробной индустрии массовых развлечений; тотальная вестернизация общественных идеалов и ценностей²⁹. В отношении же явлений культуры глобализация характеризуется таким идейным течением, как постмодернизм, о котором французский философ Ж.-Ф. Лиотар сказал следующее: «*Эклектизм есть откровенная точка современной культуры в целом: человек слушает реггей, смотрит вестерн, ест пищу от McDonald's за ланчем и блюда местной кухни за ужином, пользуется парижской парфюмерией в Токио и носит одежду в стиле «ретро» в Гонконге...*»³⁰.

3. Повышение роли и места научного знания в условиях современного информационного общества в развитых странах, сопровождаемое одновременно его профанацией, «размыванием» границ. С одной стороны, научное знание вроде бы становится определяющим фактором общественной жизни, вытеснив как ручной, так и механизированный труд в его роли фактора стоимости товаров и услуг; уровень знаний, а не собственность, становится основным моментом социальной диф-

ференциации³¹. Казалось бы, данная тенденция должна только повышать роль университетов, социальный статус преподавателей и, в конечном итоге, порождать на порядок более ответственное, чем раньше, отношение студенчества к учебе... На деле же этого не случается, поскольку одновременно с вышеуказанной тенденцией происходит и *утрата вузами монополии в образовательном процессе*. Все более отчетливым источником информации становятся Интернет и электронные СМИ, в результате чего полученные молодежью знания делаются всё более бессистемными, неупорядоченными, эклектичными; нередко научное знание подменяется непроверенной наукообразной информацией, некритически воспринятой индивидом... Этому же способствует и изменение самой научной парадигмы: на смену классической научной парадигме эпохи Просвещения (знание объективно и соответствует реальной действительности) ещё на рубеже XIX-XX вв. пришла неклассическая (знание субъективизировано наблюдателем и/или исследователем); однако в наше время её заменила новейшая, постнеклассическая или модельная парадигма (вопрос истинности/ложности не ставится; если модель работает в том или ином конкретном случае, то не имеет значения, насколько совокупность знаний, на которой данная модель работает, соответствует реальной действительности)³².

По словам российского ученого Д. Иванова, сегодняшняя наука – *«это не предприятие по поиску истины, а род языковых игр, состязаний в манипулировании моделями научного дискурса»*; материальный эксперимент всё чаще заменяется экспериментом на моделях, а процесс верификации гипотез нередко замещается процессом фальсификации³³. В деятельности ученых и студентов все больше сил и времени отводится созданию и презентации образа, необходимого для успеха в конкурсах на получение грантов, стипендий для обучения за границей, заказов на консалтинговые услуги и т.д. Кроме всего прочего, высокая «плотность» научного сообщества не оставляет места и времени для накопления и представления результатов. В конечном итоге такой *«дефицит места и времени приводит к тому, что единственно научной, рациональной формой дискуссии становится нелогичная, неструктурированная, но эффективная презентация образа идеи или теории»*³⁴.

Такой подход к научному знанию нивелирует в глазах молодежи (да и, чего греха таить, многих преподавателей, оказавшихся в состоянии «методологической растерянности») само значение процесса обучения. Своеобразная «десакрализация» достижений науки и культуры, размывание граней между истинным и ложным³⁵ в соединении с массовизацией (ещё с 50-х – 60-х гг. XX в.) системы образования приводит к тому, что **профессиональность знания** (в особенности гуманитарного!) перестала быть традиционным *«заговором специалистов против профанов»* (Б. Шоу). Наоборот, профанация всё сильнее и отчетливее вторгается в научно-образовательный процесс: физики, биологи или литераторы пишут научно-популярные книжки по истории, журналисты комментируют проблемы квантовой физики, политики смело высказывают свои суждения по проблемам культурологи и, в конечном итоге, наслушавшиеся всего этого обыватели (в лице родителей студента) высказывают преподавателям своё мнение по поводу того, как, чему и каким образом следует обучать их чадо.

Особенно ощутимо профанация знания насаждается при помощи СМИ, в деятельности которых, по мнению исследователей, *«переплетение научного, художественного, политического, религиозного и др. дискурсов... оборачивается синкретизмом, который был присущ еще древним мифам... (При этом. – А.М.)... принцип монтажа приводит к такой селекции и интерпретации происходящего, что мир, который воспринимает пользователь, оказывается вымышленным, иллюзорным миром или симулякром»*³⁶.

Разумеется, если получивший в таких условиях «профанализированное образование» студент впоследствии сам становится преподавателем, он, как правило, строит свою учебно-воспитательную деятельность в рамках всё той же постнеклассической научной парадигмы, способствуя, таким образом *«самовоспроизводству учёных профанов»*.

4. «Размывание» самого понятия «объективная реальность» в результате распространения реальности «виртуальной» как следствие массовой компьютеризации и «Интернетизации»; формирование молодого поколения, которое может быть охарактеризовано как «человек компьютерный» (на основе фактического симбиоза человека с компьютером).

Создание и широчайшее распространение компьютеров во всех отраслях жизни общества (в науке, образовании, быту, досуге), решило множество проблем, однако создало немало новых, в частности, проблему существования человека в мире, чуждом традиционных идеалов человеческой культуры. И главную роль в этом, как отмечалось выше, играет глобальная сеть Интернет. Значение и место последнего в нашей современной жизни прекрасно характеризуют следующие строки российского писателя и философа А. Столярова: *«...привлекательность его (Интернета – А.М.) заключается не только в том, что... человек, пусть условно, побеждает пространство – обретает качество всеприсутствия, которое издавна рассматривалось как признак божественности..., но и в том, что... в условной виртуальной среде он может теперь принять любой облик. <...> Он может «надеть на себя» любой возраст, любой характер, любую профессию, любой социальный статус. Так реализуется, во первых, тяга человека к признанию..., а, во-вторых, его вечное стремление к карнавалу, к необычности, выходу за пределы наскучившей социальной роли»³⁷.*

Таковы основные «глобальные» предпосылки обострения проблемы отчуждения в современном мире в целом. Какова же ситуация в сегодняшней Украине?

* * *

Современность бросает нашему обществу множество серьезных вызовов, связанных с продолжающимися с различным успехом усилиями постсоветской Украины «вписаться» в европейский «цивилизационный портрет». Вызванные этими хаотическими стараниями трансформации социально-экономической, общественно-политической, социокультурной жизни страны весьма болезненно отзываются в одной из наиболее чувствительных к подобного рода процессам сфер – образовательной. Профессиональная деятельность украинского педагога за последние два десятилетия во многом утратила свою истинную цель – предоставлять знания. Вместо этого наблюдается «перекос» в сторону абсолютизации второстепенных деталей «наружного» свойства, превратившихся, таким образом, из средств и методов чуть ли не в самоцель работы преподавателя. Несомненно, что данный факт влияет не толь-

ко на качество учебно-воспитательного процесса в отечественной высшей школе, но и на самовосприятие украинским педагогом его собственной роли в жизни общества, на его мироощущение и, в конечном итоге, психологическое здоровье. По мнению автора статьи, многие обстоятельства и последствия происходящих в образовательной сфере процессов лучше всего могут быть описаны и проанализованы именно в контексте общефилософской проблемы отчуждения.

Проявления отчуждения в сфере высшего образования Украины. Следует отметить, что в постсоветской литературе, посвященной проблеме отчуждения в образовательной сфере, последняя преимущественно рассматривается в контексте отчуждения молодежи от возможности получения образования. Связывается это, как правило, с сужением возможности получения гражданами высшего образования, обусловленное ростом платных «элитных» школ (что снижает конкурентоспособность учащихся обычных общеобразовательных школ); отсутствием возможности использования репетиторства для большинства школьников, нарастающим числом платных вузов, факультетов, отделений и т.д., наконец, мизерной стипендией студентов и аспирантов большинства вузов, не позволяющей нормально учиться без «подработки», низкой стипендией аспирантов и заработной платой сотрудников вузов. Все это приводит к тому, что многие молодые люди лишаются возможности самореализации, проявления своих творческих потенциалов. Вынужденные «устраиваться» на учебу в нежеланный вуз или на работу, эти люди теряют, таким образом, частицу своей индивидуальности.

Однако это только часть проблемы, поскольку последнюю никак нельзя сводить лишь к отчуждению молодежи от возможности получения доступного и качественного образования. Ведь существует не менее важный аспект: отчуждение труда преподавателей вузов, который, в силу определенных субъективных причин, если и упоминается, то мимоходом. А ведь данный аспект проблемы стоит не менее, если не более остро: не секрет, что в последние годы фактический статус преподавателя, как и его мироощущение, претерпели существенные изменения.

Вспомним, что в доиндустриальном обществе Учитель формировал интеллект, знания и умения своего Ученика почти в такой же мере, в какой средневековый мастер изготавливал ремесленный продукт: качество образования и качество товара практически одинаково зависели лишь от двух факторов – умения Мастера и свойств «исходного материала». Таким образом, результат деятельности учителя был виден воочию. Развитие продуктивных сил и производственных отношений в человеческом обществе очень долго почти не влияли на характер и способ образовательной деятельности: разделение труда постепенно коснулось дисциплинарной специализации учителей, однако классно-урочная система дожила от Я.А. Каменского до наших дней без существенных изменений (точно так же, «средневековая» лекционно-семинарская система практически до последнего времени оставалась актуальной и в наших вузах). Как уже отмечалось выше, переход к постиндустриальному, информационному обществу, процессы глобализации, в которые втягиваются всё больше стран мира, привели к тому, что образовательные процессы стали быстрее (и болезненнее) реагировать на соответствующие «внешние» изменения. Желание развивающихся стран (в том числе, постсоветских государств Восточной Европы) как можно быстрее достичь соответствия желаемому европейскому эталону вызвали к жизни целую серию скоропалительных «реформ» в системе как среднего, так и высшего образования (причём реформ, зачастую не отвечающих глубинным требованиям отрасли). Одной из последних стало непродуманное, политически конъюнктурное решение по присоединению системы высшего образования Украины к «Болонской системе», что вызвало к жизни уродливый гибрид новых форм и старого содержания.

«Болонизация» высшего образования сопровождается форсированным внедрением в учебно-воспитательный процесс т.н. «кредитно-модульной» (ныне переименованной в «кредитно-трансферную») системы образования; причем способы её конкретного воплощения чиновники от МОНУ, за исключением некоторых базисных принципов, отдали «на откуп» полету фантазии на местах. Разумеется, что 1) при полном отсутствии наработанных методик и методов осуществле-

ния как непосредственного обучения, так и оценивания знаний; 2) при крайнем дефиците аудиторного фонда и недостатке дополнительных финансовых средств и, обусловленной этим «раздутости» академических групп; 3) при жестком контроле за заполнением модульных ведомостей и пр., вся реформа свелась, по существу, к исключительно формальной стороне дела. В итоге преподаватель высшей школы представляет сегодня «полуодушевлённый механизм» для бесконечного заполнения пресловутых модульных ведомостей (собственно говоря, для механической фиксации набранных студентами баллов с их последующим суммированием и занесением в специальные ведомости достаточно автомата не намного сложнее кофейного). Таким образом, как никогда ранее актуальными для современного преподавателя украинского вуза стали слова (сказанные некогда К. Марксом об отчуждении рабочего), относительно попадания *«всё в большей и большей степени... в полную зависимость от работы, и притом от определенной, весьма односторонней машинообразной работы», «духовного и физического принижения его до роли машины»*³⁸.

Сегодня теряется даже ощущение единства учебного процесса, безжалостно разбитого (порой чисто формально) на «модули», а известную всем советскую поговорку *«От сессии до сессии живут студенты весело!»* давно уже пора переиначить в горький преподавательский слоган: *«От модуля до модуля минуты нет свободной нам!»*. Ведь недостижимым пределом мечтаний преподавателя вуза стало именно наличие вне рабочего и свободного времени³⁹, так необходимого для совершенствования знаний и умений педагога высшей школы (да и для полноценного отдыха, в конце концов!!!)⁴⁰. В целом же, хотя и представляется аксиомой, что без наличия необходимого свободного времени и речи быть не может о свободе профессионального творчества, однако именно этого «украинские вариации на тему» «болонской системы», очевидно, не предусматривают.

Следует отметить, что сегодняшней вуз действительно по многим параметрам напоминает промышленное конвейерное производство (в том числе и вышеупомянутым дроблением дисциплин на «модули»). Мы наблюдаем, как неизбежно теряются междисциплинарные и межкафедральные связи,

нивелируется влияние каждого отдельного преподавателя на формирование студента как целостного объекта учебно-воспитательного процесса. Кроме того, в настоящее время утрачивается столь необходимая связь между преподавателем и студентом, осуществляемая ранее посредством живого общения – её вытесняют многочисленные рефераты, эссе, контрольные и тестирования. Всё это значит, что отчуждение преподавателей от результатов своего труда, а значит и от самих себя, отчуждение целостности их внутреннего мира будет только возрастать по мере усиления разделения и специализации их труда. До крайности знакомые ассоциации не могут не возникнуть при прочтении следующих строк уже неоднократно упоминавшегося философа-неомарксиста Г. Маркузе, в которых последний описывает современное ему состояние труда наёмных промышленных рабочих: *«Внутри технологического целого механизированный труд, большую часть которого... составляют автоматические и полуавтоматические реакции, остается в качестве пожизненной профессии изнурительным, оупляющим, бесчеловечным рабством – причем даже более истощительным вследствие увеличения скорости, усиления контроля над машинными операторами (в большей степени, чем над продуктом) и изоляции рабочих друг от друга. <...> Более того, невозможным становится само измерение индивидуального вклада»*⁴¹. Если заменить в этой цитате слова «механизированный», «машинными операторами» и «рабочих» на «преподавательский», «преподавателями» и «преподавателей», то получившаяся фраза будет довольно точной иллюстрацией положения дел в современной высшей школе Украины. Однако специфика преподавательского труда состоит в том, что качество его при условии применения в учебном процессе «конвейерного способа» отнюдь не возрастает.

Уже сегодня мы являемся свидетелями катастрофического падения уровня знаний студентов и их заинтересованности в учёбе. И это процесс закономерный и объективный: в условиях открытой коммерциализации образования истинная мотивация большинства студенчества состоит в получении не знаний, а диплома (т.е., фактически, «справки» о владении знаниями). Таким образом, в товар превращаются не непосредственные

знания, а лишь их образ⁴² (сами же предоставляемые знания, как истинный критерий и конечный результат работы преподавателя фактически тоже отчуждаются, «опредмечиваясь» при этом не в «выпускнике», а лишь в дипломе, как его внешнем атрибуте!!!). Можно с уверенностью утверждать: сегодняшнее высшее образование Украины предоставляет не образование, а только образ образования, если хотите, «симулякр» – символ, не отображающий объективной реальности. Понимание данного обстоятельства усиливается осознанием истинной (а не декларируемой) цели присоединения Украины к «Болонскому процессу»: не улучшение качества образования, а всего лишь получение формальной возможности выдавать «дипломы европейского образца».

Да и как (и чему), собственно, обучать охарактеризованного выше нынешнего «человека компьютерного» (а таких становится с годами всё больше и больше среди студенчества)?! Отдавая преимущество Интернету и электронным СМИ, он, зачастую, не воспринимает преподавателя в качестве равноправного источника знаний (в лучшем случае, как говорящую часть интерьера). Сознание его предельно мозаично, а понадерганная из различных источников научная информация свободно сочетается с мифами или просто с дремучим невежеством. «Десакрализация» научного знания не могла не привести и к «десакрализации» преподавателя, как их носителя. Даже личность преподавателя уже нередко не вызывает уважения у студента (правда, часто вина за это лежит, в том числе, и на самих преподавателях, сформировавшихся некогда в условиях «профанации науки», а теперь несущих эту же профанацию новым поколениям студенчества). Нередкими стали открытая грубость со стороны студента в адрес преподавателя: одной из причин можно также считать влияние многочасового пребывания молодых людей в сети Интернет. По словам А. Столярова, *«смена образа, предполагающая анонимность пользователя» зачастую оборачивается «снятием социальных скреп, нормализующих личный контакт: грубость и оскорбления в Интернете превосходят все мыслимые пределы»⁴³*. Накопленная в Интернете грубость впоследствии выплескивается в реальной жизни, оборачиваясь против людей, пытающихся донести до

молодежи знания (особенно это характерно для небольших частных вузов, администрациями которых культивируется вполне рыночное правило: «Студент всегда прав!»).

Если же сюда добавить известное всем субъективное отношение многих вузовских администраций к результатам итогового оценивания знаний студентов, то вполне объяснимыми станут состояние фрустрации, частые депрессии, характерные для многих преподавателей высшей школы. Главным же проявлением отчуждения в преподавательской среде стало ощущение практически полной ненужности результатов своего труда, от которых, собственно, и отчуждён сегодняшний среднестатистический украинский преподаватель вуза. Слабо стимулируемый материально, полуизолированный от студентов (как и, собственно, от своих коллег) десятками «бумажных препон» (учебных программ, НМКД, модульных ведомостей и прочее), лишенный времени, возможности, а порой и желания в условиях активного и циничного втягивания вузов в коммерческие отношения реально давать и объективно оценивать студенческие знания, сегодняшний преподаватель, по существу, является не участником, а главной жертвой учебно-воспитательного процесса. Фактически морально-психическое состояние части преподавательского состава Украины прекрасно вписывается в высказывание К. Маркса о том, что человек *«только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя. У себя он тогда, когда он не работает, а когда он работает, он не у себя. В силу этого труд его не добровольный, а вынужденный; это – принудительный труд»*⁴⁴.

О возможности преодоления отчуждения преподавателя в вузе. Разумеется, что уменьшение отчуждения преподавателя прямо пропорционально увеличению степени его личной и профессиональной свободы и наоборот. В то же время следует признать, что абсолютное преодоление отчуждения в условиях современного высокоспециализованного общества невозможно. И тут, вероятно, следует искать какие-то частные решения, позволяющие смягчать отчуждение в каждом конкретном случае – ясно, что общефилософские, причем до-

статочно туманные предложения мыслителей по поводу ликвидации отчуждения, приводимые выше, в большинстве своем неприменимы к данному контексту по причине либо их неконкретности (Г. Маркузе, Э. Фромм, Э. Ильенков и пр.), либо принципиальной нереализуемости (К. Маркс).

Что касается частных решений, то в качестве таковых можно предложить следующие:

1) Выведение рыночных товарно-денежных отношений в вузах за рамки непосредственно учебно-воспитательного процесса.

2) Расширение внерабочего и свободного времени преподавателей за счет сокращения исполняемых ими формальных функций.

3) Отмена (или, по крайней мере, ограничение) внедрения в жизнь вузов такого атрибута «Болонской системы», как модульные ведомости, заполнение которых отнимают «львиную» часть внерабочего времени преподавателя.

4) Разработка предельно четких (не позволяющих двусмысленного толкования различными заинтересованными сторонами) инструкций по осуществлению оценивания труда и знаний студентов.

5) Решительный и согласованный (со стороны, как преподавателей, так и администраций вузов) отпор культивируемому сегодня прагматически-потребительскому отношению большинства студентов к получению высшего образования.

6) Реальное укрепление независимости профессорско-преподавательского состава от давления со стороны вузовских администраций и контролирующих органов из системы МОНУ (автономизация вузов, а, в идеале, их превращение в свободную ассоциацию преподавателей).

Впрочем, при отсутствии настоящей заинтересованности в преодолении отчуждения со стороны власти, администраций вузов и, (чего греха таить) многих преподавателей, давно вписавшихся в существующую «систему», реализация большинства даже частных решений по преодолению проблемы вряд ли может быть осуществлена успешно. Поэтому максимум, что сегодня можно было бы предложить среднестатистическому украинскому преподавателю – крепить волю изучением

стоической философии и собирать силы для выполнения его нелегкого труда. Искреннее осознание преподавателем своего высшего морального долга, как перед студенчеством, так и перед самим собой и обществом в целом, может позволить ему какое-то время противостоять хотя бы психологическому отчуждению. Впрочем, поскольку данное осознание связано с пониманием необходимости постоянно преодолевать различные трудности и искушения, очевидно, что со временем жизнь и условия труда такого преподавателя могут стать совершенно нестерпимыми. А значит, в конечном итоге, степень отчуждения такого преподавателя только возрастет.

Таким образом, следует отметить, что объективные и субъективные условия труда преподавателя высшей школы Украины вполне могут быть рассмотрены в рамках категории «отчуждения». Обострение данной проблемы в последние годы неразрывно связано с трансформациями в современном обществе и их «отображениями» в отечественной системе высшего образования. Следует признать, что проблема отчуждения преподавательского труда не имеет абсолютного положительного решения в социально-экономических, общественно-политических и социокультурных условиях современной глобальной цивилизации (особенно в украинских реалиях). Частные же решения могут носить исключительно относительный характер, обусловленный, к тому же, многочисленными «если», что само по себе делает их реализацию проблематичной.

Примечания:

¹ Вообще, если говорить о социальном аспекте отчуждения, то можно согласиться с определением современного российского мыслителя Г.С. Киселева, согласно которому, *«под отчуждением понимается такое явление, когда сама социальность порождает силы, враждебные человеку, т.е. когда в результате деятельности людей возникают препятствия для их социального, политического, экономического и духовного освобождения. Когда, иными словами, человек превращается в объект для достижения чуждых ему целей»* (Киселев Г.С. Человек, культура, цивилизация на пороге III тысячелетия - С. 12. / [Электронный ресурс] / Г.К. Ки-

селев. – Режим доступа: http://www.gskiselev.com/Monographs/G.S.Kiselev_Chelovek_kultura_civilizatsia.pdf).

² См.: Хромова О.И. Проблема отчуждения в контексте постиндустриальных трансформаций современного мира / О.И. Хромова // Культура народов Причерноморья. — 2002. — N39. — С. 127-130.

³ Вакаев В. А. Роль этнопедагогтики в механизме преодоления духовного отчуждения человека / [Электронный ресурс] / В.А. Вакаев. – Режим доступа: <http://www.aeli.altai.ru/nauka/sbornik/1999/vakaev.html>

⁴ Гегель (как и впоследствии К. Маркс) использовал три немецких схожих термина, переводимых на русский язык одинаково - «отчуждение» (См.: Ильенков Э.В. Гегель и «отчуждение» / [Электронный ресурс] / Э.В. Ильенков. - Режим доступа: <http://www.caute.net.ru/ilyenkov/texts/phc/hgentfr.html>).

⁵ Исследователями нередко отмечается, что в ранних работах К. Маркса отсутствовало характерное для советской литературы упрощенное сведение всех причин отчуждения к частной собственности: напротив, якобы на первое место в генезисе отчуждения ставилось разделение труда, и лишь вслед за этим - частная собственность на средства производства. Действительно, в «Экономическо-философских рукописях...» есть место, где утверждалось, что «... *разделение труда есть ни что иное, как отчужденное, самоотчужденное полагание человеческой деятельности... в качестве деятельности человека как родового существа*» (Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1956. – С. 611). Однако, Маркс в этом вопросе был, очевидно, не до конца последователен и, если внимательно прочесть дальнейший текст, становится очевидным, что разделение труда выступало для молодого философа явлением, производным от частной собственности: *«Именно то обстоятельство, что разделение труда и обмен суть формы частной собственности, как раз и служит доказательством как того, что человеческая жизнь нуждалась для своего осуществления в частной собственности, так, с другой стороны, и того, что теперь она нуждается в упразднении частной собственности»* (Там же. – С. 615).

⁶ Между тем, как нам сегодня ясно, превращение частной собственности в государственную не устраняет отчуждения автоматически: опыт «реального социализма» показывает, что государственно-

бюрократический аппарат, став собственником средств производства, способен способствовать сохранению и развитию новых, не менее жестоких, чем в обществе с частной собственностью, форм отчуждения (см.: Кальной И.И., Сапунов М.Б., Фетисов Э.Н. Отчуждение в советском обществе: методологический аспект проблемы / И.И. Кальной, М.Б. Сапунов, Э.Н. Фетисов // Социологические исследования. – 1991. – № 5. – С. 18-25).

⁷ Маркс К. Указ. соч. – С. 563.

⁸ Там же. – С. 564.

⁹ Впервые изданные полностью на немецком языке в 1933 г., а на русском – лишь в 1956 г. (в 1927 г. - частично) под условным названием «Экономическо-философские рукописи 1844 года».

¹⁰ Цит. по: Вакаев В.А. Указ. соч.

¹¹ См., напр.: Отчуждение // Краткий словарь по философии / Под общ. ред. И. В. Блауберга, И. К. Пантина. – 4-е изд. – М., 1982. – С.238; Яценко А. И. Отчуждение // Украинская Советская Энциклопедия. – Т. 8. – К., 1982. – С. 29.

¹² Например, Э. Ильенков не отрицал существования отчуждения в «в странах, установивших общегосударственную, общенародную, социалистическую форму собственности на средства производства», в том числе, в СССР (См.: Ильенков Э.В. Указ. соч.).

¹³ По словам В.Е. Горозии, «неомарксизм» вообще зиждется, фактически, на категории отчуждения, а его авторы доказывают, что Маркс — философ отчуждения и его преобладающим измерением является концепция отчуждения; по их мнению, данная концепция раннего Маркса дает возможность «прочитать Маркса по-новому». Именно в плане проблемы отчуждения разрабатывается модернизированный миф о двух Марксах: о Марксе как гуманисте и о Марксе как «антигуманисте» (Горозия В.Е. Проблема отчуждения человека в учении Карла Маркса / В.Е. Горозия // Человек. Государство. Глобализация: Сборник философских статей. Выпуск 3 / Под ред. В.В. Парцвания. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество; Тбилиси: Институт политологии АН Грузии, 2005. — С. 102).

¹⁴ См.: Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М., 2009. – С. 118-120; Фромм Э. Иметь или быть / Э. Фромм // Забытый язык. Иметь или быть. – М., 2009. – С. 209-442.

¹⁵ См.: Маркузе Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М.: “REFL-book”, 1994 – 368 с.

¹⁶ См.: Жданов Ю.А. Преодоление отчуждения в сфере научного труда / Ю.А. Жданов. – Марксизм и современность. – 1999. - № 1-2 (13-14) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://marxism.itgo.com/mag14/Jdanov20.htm>

¹⁷ Грицанов А.А. Отчуждение // Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. - Мн.: Книжный Дом. 2003. – С. 728.

¹⁸ Цит. по: Яцкевич В. Отчуждение как необходимый момент общественных отношений // Яцкевич В. Рефлексия марксизма. – К., 2005 / [Электронный ресурс] / В. Яцкевич. – Режим доступа: http://world.lib.ru/j/jackewich_w_w/otchuzhdenie.shtml; http://www.politology.vuzlib.net/book_o143_page_11.html; <http://filosofia.ru/70543/>

¹⁹ Яцкевич В. Указ. соч.

²⁰ Носов Д.М., Рау И.А. Отчуждение // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. – С. 406.

²¹ Цит. по: Медведев Р. Кризис марксизма? / Р. Медведев // Альтернативы. – 1995. - № 5. – С. 8.

²² Фромм Э. Иметь или быть. – С. 375-376.

²³ Маркузе Г. Указ. соч. – С. 5.

²⁴ Вакаев В. А. Указ. соч.

²⁵ Ильенков Э.В. Указ. соч.

²⁶ Маркузе Г. Указ. соч. – С. 4.

²⁷ Цит. по: Хевеши М.А. Антикапиталистический бунт «новых левых» / М.А. Хевеши // От абсолюта свободы к романтике равенства (Из истории политической философии. - М.: РАН, 1994. – С. 326.

²⁸ Кизима В. Из тисков глобальной бандократии и найма в мир социальной справедливости и человеческих реализаций / В. Кизима // Вибір. – 1997. - № 1-2. – С.98-99.

²⁹ Хромова О.И. Указ. соч.

³⁰ Цит. по: Иванов Д. Общество как виртуальная реальность / Д. Иванов // Информационное общество. – СПб. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – С. 376.

³¹ Там же. - С. 357.

³² Столяров А.М. Освобождённый Эдем / А.М. Столяров – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ; СПб.: Terra Fantastica, 2008. – С. 130-131.

³³ Иванов Д. Указ. соч. – С. 405-406.

³⁴ Там же. – С. 407

³⁵ По справедливому замечанию Э. Фрома, один из способов подавления самостоятельного мышления *«состоит в том, что всякая истина считается относительной. Истина рассматривается как метафизическое понятие; если кто-то говорит, что хочет объяснить истину, то «прогрессивные» мыслители нашего века считают его отсталым»* (Фромм Э. Бегство от свободы. – С. 236-237).

³⁶ Марков Б. Человек в эпоху масс-медиа / Б. Марков // Информационное общество. – СПб. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – С. 466-467.

³⁷ Столяров А.М. Указ. соч. – С. 244. Таким образом, если вдуматься, то, в определенных случаях, вполне допустимо рассматривать компьютер и Интернет, как новые и действенные механизмы преодоления человеком отчуждения (если, конечно, не допускать превращения компьютера из средства в самоцель человеческого существования). Впрочем, будущее покажет, что правомернее: восхищаться компьютерными технологиями, как «спасительными средствами» устранения отчуждения или опасаться их, как возможных орудий «экзистенциального угнетения». Скорее всего, истина - где-то посередине...

³⁸ Маркс К. Указ. соч. – С. 526.

³⁹ Следует согласиться с В.В. Парцвания в том, что термины «вне рабочее время» и «свободное время» не вполне совпадают: если под первым именуется время, оставшееся от выполнения индивидом его служебных функций, то под вторым – *«время, свободное от работы, т.е. свободное от принуждения. ...свободное время становится чистой абстракцией без понятия свободы...; более того, к трудовому экстазу способен только свободный человек в свободное время»* (см. подробнее: Парцвания В.В. Философия труда / В.В. Парцвания // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Сб. статей. Выпуск I / Под ред. Маркова Б.В., Солонина Ю.Н., Парцвания В.В. – СПб.: Издательство «Петрополис», 2001. – С. 262-273). Таким образом, понятие «свободное время» соответствует пониманию К. Марксом того промежутка времени, когда человек чувствует себя (и является) самим собой.

⁴⁰ Ну как не вспомнить тут некогда расхожую до банальности фразу К. Маркса о том, что в будущем обществе *«мерой богатства будет отнюдь не рабочее время, а свободное время»* (Цит. по: Шубин А.В. Социализм: «Золотой век» теории / А.В. Шубин – М., 2007. – С. 120).

А ведь во многих развитых странах Запада уже наступает именно такая, предсказанная Марксом ситуация... В частности, как справедливо отмечает российский исследователь Г. Киселев, *«в высокотехнологичном производстве (особенно в США) понемногу начинает стираться грань между рабочим и свободным временем работника, пользующегося персональным компьютером и глобальными информационными сетями для решения задач, которые он во многом ставит себе сам, исходя из своей квалификации <...>. ...такая тенденция способствует развитию индивидуальности, ориентирует ее на истинно человеческие ценности, которые, объективируясь в процессе творчества, и создают культуру»* (Киселев Г.С. Указ. соч.).

⁴¹ Маркузе Г. Указ. соч. – С. 34, 38.

⁴² Не здесь ли истинные истоки массового «остепенения» (т.е. получения научных степеней) вузовских преподавателей? Если ценятся не знания, а их образ, то и спросом должен пользоваться не сам ученый/преподаватель, а образ ученого/преподавателя, каковой и определяется обладанием научной степенью – ведь она повышает конкурентоспособность как ее обладателя, так и самого вуза.

⁴³ Столяров А.М. Указ. соч. – С. 245.

⁴⁴ Маркс К. Указ. соч. – С. 563.

Надійшла до редколегії 02.12.2010.